

Проблема определения, основные формы и перспективы релятивизма

В. М. Маслов

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Россия, г. Нижний Новгород.
ORCID: 0000-0003-1043-9431. E-mail: maclov@bk.ru

Аннотация. В статье разрабатываются соответствующие новым вызовам современные представления о релятивизме. Основа актуальности исследования – растущая распространенность и влияние релятивизма. Целью статьи является получение и конкретизация исходного историко-логического определения релятивизма, прямо соотносящегося и разъясняющего специфику современного этапа развития модернистской цивилизации. Формально релятивизм – это утверждение равенства/истинности любых суждений об одном и том же объекте. Содержательно релятивизм определяется в отношениях с абсолютным (философским уровнем существующего) в его объектном (мир в целом) и субъектном (исходная гносеологическая позиция) аспектах. Абсолютный онтологический релятивизм утверждает равноценность невозможности (нигилистический онтологический релятивизм) и возможности философии. В последнем случае абсолютный онтологический релятивизм утверждает возможность истинности только одной (философский монизм и, соответственно, оправданный догматизм) и всех философий/взглядов (плюралистический онтологический релятивизм). Абсолютный гносеологический релятивизм утверждает аналогичные онтологическому – специфические формы нигилистического и плюралистического гносеологического релятивизма. Здесь же еще раз подтверждается, что относительное не может обладать абсолютной гносеологической точкой отсчета. Другое дело, чтобы гносеологические начала способствовали максимальной открытости к доказательству, критике, совершенствованию. Признание неустранимой гносеологической догматичности ведет к возможности формирования определенного абсолютного релятивизма, который видится максимально объективным началом современной философской работы. В цивилизационном плане исследование релятивизма соотносится и указывает на формирование нового этапа функционирования современного общества. Заявляемые модернистской цивилизацией идеи свободы и счастья для всех людей, объективно, ведут к современной и будущей значимости нигилистического и плюралистического релятивизма. Последнее может затруднить адекватное познание мира и соответствующую социальную деятельность. Проведенный анализ и открытие проблематики определенного абсолютного релятивизма видится положительным вкладом в общие научно-философские усилия по точному пониманию и адекватному влиянию на происходящее в мире.

Ключевые слова: скептицизм, софистика, философия, монизм, плюрализм.

Постоянный обостренный философский интерес к проблеме релятивизма обусловлен ее включением в общую совокупность тем, касающихся самой возможности философии. Историко-философские размышления не смогли наработать общее для большинства специалистов представление о релятивизме, обостренная необходимость этого – функция растущей распространенности и влияния релятивизма [17, с. 201]. Применительно к науке об этом говорит популярность идей П. Фейерабенда (anything goes), постулирование ценностной составляющей постнеклассической рациональности, признание эквивалентности теоретических описаний и несоизмеримости научных парадигм, отрицание возможности проведения окончательного, решающего эксперимента/доказательства. Применительно к общественной жизни об этом говорит широкая популярность постмодернистских идей и настроений, итожащаяся идентификацией современности «эпохой постмодерна». В общем и замыкая все на

философию, соглашаемся, что «вполне правомерно говорить о *современном методологическом кризисе*, порождающем релятивизм как “главную болезнь философии нашего времени”» [12, с. 74].

В исследованиях сложных, многогранных и давно анализируемых проблем особое значение приобретает методологическая составляющая. Акцентированное внимание к методологии не только гарантирует высокое качество исследования релятивизма, но и создает благоприятные условия для принятия полученных результатов.

Исследование релятивизма, прежде всего, опирается на методологические разработки, позволяющие отражать внешние отношения и внутреннюю структуру релятивизма (системный подход, герменевтический круг, категориальная оппозиция). В идеале все имеющиеся различные представления должны найти свое объективное место/разъяснение в рамках нового общего взгляда на релятивизм.

Проблема релятивизма носит исторический характер. В соответствии с известным историко-логическим методом познания исследование будет представлять собой постоянное соотношение/диалог между конкретными историческими представлениями и логическим, категориальным, теоретическим анализом релятивизма. Не следует соглашаться с Д. Блуrom, который выстраивает свое представление о релятивизме на основе его определения современным ученым [2, с. 18–19]. В таком узком историко-смысловом диапазоне вряд ли можно получить полное, собственное понимание релятивизма.

Непосредственное начало исследования руководствуется аналитическим методом, основу которого задают известные требования Р. Декарта: «делить каждую из рассматриваемых <...> трудностей на столько частей, сколько потребуются, чтобы лучше их разрешить»; «начиная с предметов простейших и легкопознаваемых» [7, с. 260]. Здесь отмечаем, что в современных обсуждениях релятивизма выделяются две группы проблем. В одном случае рассматриваются смысловые, теоретические вопросы, в другом – своеобразии современного культурного релятивизма. Это делает целесообразным соответственно организовать современный анализ: в начале рассмотреть теоретические вопросы, потом обратиться к проблематике весьма актуального сегодня [15, с. 76–77] культурного релятивизма.

Основа теоретической части исследования – наличные представления о релятивизме: «Отрицание существования абсолютной или объективной истины и признание существования одной истины для греков, другой – для египтян, третьей – для сирийцев и так далее» [20, с. 572]; «среди множества точек зрения, взглядов и теорий относительно одного и того же объекта не существует единственно верной <...>, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире <...>; все эти точки зрения и теории равноценны» [15, с. 76]; «подчеркивающий примат связи объектов перед их субстанциальными свойствами <...> недоустойчивости и относительности всякого знания» [10, с. 442] и др. Отсюда предельно начально/формально: релятивизм – это утверждение относительного равенства (истинности) любых, включая противоположных, суждений об одном и том же объекте.

Современные развернутые подходы к релятивизму (выделяют, например, 315 вариантов релятивизма [18, с. 40–41]), с одной стороны, показывают всю масштабность и значимость данного феномена, с другой стороны, погружают в количественные частности и граничат с возможностью потери общего, иерархичного видения ситуации. Ориентируясь на последнее, привлекаем внимание к следующим двум теоретическим разработкам. На основании выделения Д. Девидсоном монистического и плюралистического концептуальных каркасов (где монистический каркас – каркас человечества), Г. Д. Левин формирует идею теоретической первичности монистического релятивизма, «выводящего из факта зависимости теории от концептуального каркаса (из относительности теории к концептуальному каркасу) отрицание ее соответствия объективному миру» [12, с. 77]. Согласно Б. Блуру, «релятивизм – это отрицание абсолютизма. Абсолютист утверждает, что мы можем обладать и действительно обладаем каким-либо абсолютным знанием; релятивист утверждает, что мы не обладаем каким бы то ни было абсолютным знанием, поскольку все знание релятивно» [2, с. 17]. В развитие данных подходов выводится содержательная специфика релятивизма.

Если релятивизм есть философское указание на относительность, то содержательное начало релятивизма определяется спецификой философии. Точнее, первая содержательная форма релятивизма отражает саму возможность существования философии. Логика вывода такая. Первый современный вопрос к такому проблемному феномену, как философия, – это вопрос о ее возможности как всеобщего, необходимого, абсолютного знания. В структурной и

развернутой формулировке этот вопрос о том, могут ли ограниченные в известном пространстве и времени человек/человечество получить философское, всеобщее, необходимое, абсолютное знание применительно к окружающему миру (онтологический план) и по отношению к применяемым логико-методологическим средствам (гносеологический план). На указанный вопрос может быть три ответа: философия возможна; философия невозможна; есть равноценные позиции, аргументы за то, что философия возможна, и за то, что философия невозможна. Действительность третьего ответа суть действительность первой содержательной формы релятивизма. Подобного качества исходную содержательную форму, неразрывно связанную с абсолютным, философским уровнем, существующего с полным правом, обозначаем «абсолютным релятивизмом». Принципиальная возможность абсолютного релятивизма пока только возможность, задающая направление поиска. Наличие специфической онтологической и гносеологической составляющей абсолютного релятивизма формирует необходимость проводить исследование в два взаимосвязанных этапа или по двум направлениям, сначала по отношению к миру в целом, потом – к исходной логико-методологической позиции.

Претендующее на полноту и истинность рассмотрение проблематики абсолютного онтологического релятивизма возможно только в русле соответствующей исторической философско-научной традиции, давно исследующей подобные вопросы. Центральное место в ней занимают скептики, которые «специализировались» на критике возможности философии быть истинным знанием о мире, собирая и разрабатывая соответствующие аргументы. Здесь же можно упомянуть о том, что некоторые специалисты не проводят особой разницы между скептицизмом и релятивизмом («под релятивизмом, или, если вам нравится, скептицизмом, я имею в виду концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен» [20, с. 379]). Как бы то ни было, выходим на проблематику абсолютного онтологического релятивизма через обращение к истории скептицизма.

Количественно-качественный уровень скептической критики древней философии хорошо демонстрируют труды Секста Эмпирика. Дальнейшее развитие философии вывело данную ситуацию на новый уровень. Ключевым феноменом является философия И. Канта, в которой выводится принципиальная противоположность «явления» – области нашего непосредственного опыта/знания и «вещи-в-себе» – области совокупной целостности, абсолютности мира, недоступной человеку/человечеству. (После введения в XIX в. и широкого распространения слова «агностицизм» любая критика на основе представлений о вещах-в-себе ассоциируется с агностицизмом; соглашаясь с этим, всегда имеем в виду, что речь должна идти не о каком-то временном и частном незнании, а о принципиальном отсутствии знания о совокупной целостности, абсолютности мира.)

Кантианское «явление» позволяет указать на историческую специфику/ограниченность древнего скептицизма. По сути, древние скептики не выходили за рамки кантианских явлений. Общий смысл деятельности скептиков заключался в поиске среди окружающих явлений тех из них или таких их аспектов (противоречивость, изменчивость, миниатюрность и т. п.), которые бы очевидно разрушали все попытки истинного, философского их отражения. Кантианская «вещь-в-себе» указывает на пришедшее в мысль новое: скептическая задача доказательства невозможности философии сводится к указанию на то, что вещь-в-себе, совокупная целостность, абсолютность мира нам не дана. Отсюда легко выводится, например, невозможность получить достоверное (всеобщее, необходимое, абсолютное) знание о наличии/отсутствии Бога/бога в мире. А в целом задается надежное основание для общего итогового скептического вывода о невозможности философии.

Указанный вывод выступает в форме философского, всеобщего, необходимого, абсолютного утверждения. Соответственно, мысль попадает в ту же самую противоречивую ситуацию, в которой оказались античные скептики: их критика философии, обвинения философов в догматизме воспринимались как точно такая же догматическая, философская деятельность. Необходимо разрешить данную проблему. Наиболее оптимально это сделать в контексте ее исторического появления и первого осмысления.

Как известно, снятие с себя обвинения в догматизме было для скептиков не менее важным, чем разработка непосредственной критики философии. Об этом можно судить хотя бы по следующему краткому представлению скептицизма у Диогена Лаэртского: «Цель свою скептики полагали в опровержении догматиков всех школ, но сами ни о чем догматически не высказывались» [8, с. 383]. Современный анализ древнего скептицизма показывает, что, во-первых, скорее всего, античный скептицизм должен был быть догматичным, во-вторых,

среди множества скептических предложений можно найти такие, которые позволяют снять объективные основания для догматической оценки скептицизма.

Обвинения античных скептиков в догматизме имеют вполне объективные основания. Суть дела в том, что свои теоретические разработки скептики неразрывно связывали с необходимостью обеспечения счастливой жизни человеку/философу. Красноречивым примером этого является сама формулировка и последовательность трех фундаментальных для скептицизма вопросов: «1) из чего состоят вещи; 2) как должны мы относиться к этим вещам; 3) какую выгоду получим мы от этого нашего к ним отношения» [9, с. 305]. Исходная, априорная эвдемоническая прагматичность не позволяла античному скептицизму довести начатую им критику философии до ее объективного предела. Скептики приводят множество аргументов за то, что их теоретическая деятельность не является догмой. Но все эти аргументы не убедительны (в некоторых случаях не доведены до логического завершения). Примером этого можно взять известное скептическое воздержание от окончательных суждений – очевидно, что это пусть и оригинальное, но вполне догматическое, философское утверждение. И, конечно, сам факт того, что философские достижения скептицизма выступали надежным основанием для обеспечения счастливой жизни человека, однозначно, говорит об оставшейся философичности, догматизме скептиков.

Основа снятия проблемы скептического догматизма – в отсутствии объективной связи между критической деятельностью античных скептиков и их жизненными выводами. Об этом говорят различные представления о том, что же должно вытекать из критической деятельности скептиков. А. Ф. Лосев в целом считает достаточно естественным, логичным итоговое не критическое скептическое «принятие жизни в ее непосредственной данности» [13, с. 385]. По В. М. Богуславскому, подобное не может быть органичным для скептицизма, историческая миссия которого – развивать антидогматическое, критическое, доказательное научно-философское познание [3]. (В сходном направлении трактуют суть и современную задачу скептицизма многие авторы [5; 6; 27 и др.]) Д. В. Пивоваров показывает принципиальную связь скептицизма с нигилизмом и цинизмом [19]. На основе всего этого нужно отделить скептическую критическую деятельность от ее эвдемонической составляющей. После этого среди множества скептических идей находятся такие, которые полностью снимают возможность обвинения скептицизма в догматизме. Одна из таких идей – сравнение их деятельности с огнем: «огонь, истребляя вещество, уничтожает тем самым и самого себя <...>; направленное против доказательства рассуждение вместе с устранением всякого доказательства может вычеркнуть и само себя» [21, с. 243]. Подобные образы/представления достаточно известны, но они не брались скептиками в их абсолютной законченности. Критерий последнего в том, что скептицизм существует только как непосредственная критическая деятельность, а после ее успешного завершения полностью исчезает из жизни и деятельности. Такой последовательный, абсолютный скептицизм не оставляет никаких теоретических следов и не позволяет делать никаких практических выводов. А чего нет, нельзя обвинить в догматизме.

Полученная теоретическая пустота, в принципе, самодостаточный итог для теории последовательного релятивизма. Но теория абсолютного онтологического релятивизма должна продолжить исследование этого результата хотя бы потому, что пустота не соотносится ни с чем, она не релятивна. Дальнейший анализ показывает, что фактически «пустота» в теории абсолютного скептицизма может быть наиболее точной формой отражения отношения к философии подавляющего числа людей, которые, не зная философии, точно уверены, что философия невозможна и не нужна. Тем самым к философской проблематике подключается все наличное общественное отношение к философии. Соответственно, в данном случае с полным правом можно говорить о наличии нигилистического онтологического релятивизма.

Проведенное исследование, с одной стороны, показало органическую включенность проблематики абсолютного онтологического релятивизма в родственную философско-научную традицию. С другой – полученная критика возможности философии со стороны абсолютного скептицизма представляет собой, по сути, первое из двух суждений (нигилистический онтологический релятивизм), необходимых для существования абсолютного онтологического релятивизма. Соответственно, необходимо приступить к поиску наличия и проблеме обоснованности второго, противоположного ему суждения о возможности философии.

Принципиальное принятие агностицизма (отсутствие у человека знания о мире в целом) не закрывает возможность существования философии. Предполагаем, что впервые на

логику обоснования подобной возможности стал выходить Ксенофан в своих известных строках:

«Истины точной никто не узрел и никто не узнает
Из людей о богах и о всем, что я только толкую;
Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось,
Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает» [23, с. 173].

Согласно этому тексту, сомнение по отношению к философскому отражению мира не закрывает возможность того, что такое знание у человека есть (другое дело, что не существует объективных критериев указания на это). Более определенно данная мысль выражена в знаменитых словах Протагора: «О богах я не могу сказать ни того, что они существуют, ни того, каковы они по виду. <...> Ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни» [26, с. 226]. Следует согласиться с тем, что если у людей нет знания о мире в целом, то это не мешает людям иметь всеобщее, необходимое, абсолютное знание. Утверждение возможности существования философии ведет к итоговому обоснованному утверждению существования абсолютного онтологического релятивизма.

Специфика абсолютного онтологического релятивизма состоит в утверждении равноистинности суждений о возможности философского отражения мира и о невозможности подобного. В связи с этим результатом возникают два следующих вопроса. Первый – исчерпывается ли этим сингулярным противопоставлением содержание абсолютного онтологического релятивизма? Второй – как соотносится абсолютный онтологический релятивизм со всеми другими оставшимися видами онтологического релятивизма? Поскольку (согласно абсолютному скептицизму) тезис о невозможности философии не может быть как-то философски использован, то ответы на поставленные вопросы будем искать во множестве, очерченном утверждением того, что философское отражение мира возможно.

Анализ множества философских взглядов на основе абсолютного онтологического релятивизма итожится следующим содержательным выводом: в данном случае следует говорить о наличии двух равноистинных суждений, суждения о равенстве всех философских позиций в отношении окружающего мира и суждения о возможности одной и только одной философии быть истинной философией. Рассмотрим данные позиции.

Утверждение равенства всех философий (вообще, позиций) в отражении мира, в принципе, ожидаемая и достаточно известная релятивистская позиция (обозначим ее как плюралистический онтологический релятивизм). Ярким историческим началом ее в античной, западноевропейской традиции считается тезис Протагора о человеке как мере всех вещей. Все известные скептические и аналогичные им современные аргументы широко используются для подтверждения данной точки зрения. С древности и до сегодняшнего дня указывается на очевидную противоречивость позиции Протагора [11], поскольку утверждение истинности всех высказываний приводит к согласию с высказыванием, отрицающим истинность исходного высказывания. Согласно формальной логике, такого быть не может. Считаем, что у плюралистического онтологического релятивизма есть возможность достойно ответить на критику, т. е. сохранить свою философскую значимость. В частности, это можно сделать, ссылаясь на опыт М. Хайдеггера, который указывал, что в обсуждении самых серьезных вопросов логика не может быть главнее существа дела [25, с. 18–19]. В заключение добавим, что подключение к теме абсолютного онтологического релятивизма проблематики плюралистического онтологического релятивизма охватывает все возможные здесь виды релятивизма. Соответственно, в этом плане/направлении развитие абсолютного онтологического релятивизма завершено.

Утверждение возможности одной и только одной философии быть истинной философией в принципе понятно. Если мир как таковой в его целостности нам не дан, то принципиально нельзя опровергнуть претензии какой-либо философии на исключительную истинность в отражении этого мира. Неожиданностью в этом случае может показаться то, что абсолютный онтологический релятивизм поддерживает эту точку зрения в ее прямом противопоставлении с позицией плюралистического онтологического релятивизма (ведь эти позиции на формальном уровне суть релятивизм!). Рассмотрение данной ситуации начнем с предположения о том, что возможное чувство удивления, в конечном счете, может быть связано с недостаточной самокритичностью традиционных скептических, софистических, релятивных рассуждений. Далее еще раз подчеркнем, что подобная ситуация – результат объективного хода развития собственной содержательной проблематики абсолютного онтологического релятивизма, который следует принять как современную данность.

Указанное содержательное обогащение онтологического релятивизма прямо выводит на проблему дальнейшей работы в этом направлении. Учитывая общую сложность возникающих здесь вопросов, считаем данную проблему дискуссионной. Но на сегодняшний день предполагаем, что дальнейшее развитие теории абсолютного онтологического релятивизма будет связано с конкретной, специальной работой по каждому из специфических видов онтологического релятивизма (ср. [12, с. 77]), соответственно, вся эта проблематика выносится за рамки данного исследования в его планируемые продолжения.

Исследование проблематики абсолютного гносеологического релятивизма должно опираться на проведенное исследование специфики абсолютного онтологического релятивизма. В итоге проведенной работы оказывается, что абсолютный гносеологический релятивизм утверждает аналогичные онтологическому специфические формы нигилистического и плюралистического гносеологического релятивизма. Но дальше обозначается значительная специфика проблематики абсолютного гносеологического релятивизма. Общее безразличие абсолютного онтологического релятивизма по отношению к равноистинности возможности и невозможности философии отражать мир, истинности всех философий и истинности одной и только одной философии в отражении окружающего мира невозможно в случае с абсолютным гносеологическим релятивизмом. Суть дела в том, что гносеологическое «безразличие» снимает осмысленность проведенного исследования абсолютного онтологического релятивизма и проводимого прямо сейчас исследования абсолютного гносеологического релятивизма. Осмысленность, сохранение всего этого возможно только в условиях безусловного/догматического утверждения истинности той логико-методологической специфики, на основе которой проводится анализ релятивизма. В соответствии с этим следует признать, что вся теоретическая конструкция теории релятивизма базируется на вполне догматической логико-методологической основе (или релятивизм сам по себе не релятивен).

Указание на неизбежную логико-методологическую догматичность релятивизма может восприниматься априорно ожидаемой тривиальностью, поскольку общеизвестно, что ограниченное не может быть абсолютным. Но проделанное исследование в данном случае позволяет выйти за рамки очевидной тривиальности в направлении получения интересного, важного нетривиального результата. Признание неустрашимой логико-методологической догматичности релятивизма катастрофично только для бескомпромиссных, метафизических сторонников и критиков релятивизма, которые из этого факта делают глобальные выводы о несостоятельности всего с ним связанного. Благоразумное согласие с догматичной определенностью логико-методологического начала, во-первых, сохраняет все полученные в ходе данного исследования релятивизма результаты, во-вторых, максимально продуктивно открывает свои логико-методологические основания к критике, обогащению и развитию. В итоге можно говорить о возможности формирования специфической философской позиции, которая в целом находится в русле релятивизма – позиции определенного абсолютного релятивизма. Указанная специфика определенного абсолютного релятивизма вполне может вести к тому, чтобы эта позиция выступала максимально объективным началом современной философской работы, осознающей здесь всю полноту своей проблематичности.

Проделанное исследование, формирование определенного абсолютного релятивизма заставляет и позволяет найти ответ на следующий главный вопрос теории релятивизма: в чем основная причина и что будет дальше с современной растущей распространенностью и влиятельностью нигилистического и плюралистического релятивизма? Стоит согласиться с тем, что во многом современный релятивизм обусловлен наличием актуальных сложных общечеловеческих проблем и общей неопределенностью в их решении. (На это же умозаключение может выводить современная постнеклассическая трактовка научной рациональности.) Новейшим доказательным примером проблемности современной общественной жизни является начавшееся балансирование человечества на грани возможности перехода в постчеловеческую форму жизни [16]. (В подобные переходные, высоко проблемные исторические времена всегда актуализируются скептические, релятивистские настроения [см.: 1].) Но более глубокий анализ приводит к утверждению того, что общая актуальность современного релятивизма специфична только для нашей, модернистской цивилизации.

Одной из характерных черт современной, модернистской, западной, техногенной, господствующей в современном мире форме цивилизации является ее нацеленность на обеспечение достойной жизни каждого человека, расширение возможностей для его свободной жизнедеятельности. К этому ведут известные возрожденческий антропоцентризм, новоевро-

пейские теории общественного договора, бэконовский проект приносящих практическую пользу наук. В политической сфере об этом говорит сам факт характерной для современности либеральной демократии. О человеческом центрировании современного общества свидетельствует обостренное, болезненное восприятие нарушения прав и свобод человека. Только в подобной культуре может пользоваться повышенным вниманием экзистенциализм (максимально подчеркивающий уникальность человека) и психоанализ (постулировавший бездну индивидуального бессознательного). В этих условиях современная распространенность постмодернистских идей является не случайной, а закономерной. Все это выступает той базовой причиной, которая ведет к современной и будущей значимости нигилистического и плюралистического релятивизма.

Современная свобода во все большей степени будет открываться к возможности принятия нигилистического и плюралистического релятивизма, делая последние позиции весьма значимыми феноменами современной и будущей общественной жизни. Негативные и даже опасные следствия этого положения дел, в принципе, известны. Нет никаких гарантий того, чтобы идеи, основанные на принципах ответственности, нравственности, справедливости [4; 22], обязательно победили идеи, основанные на сиюминутном популизме. Также понятно, что свободу нельзя отменить. В целом обоснованно предположить, что нужно передумывать и разрабатывать много нового в традиционной философской деятельности, чтобы она современно соотносилась с изменяющейся таким образом реальностью. Несомненно, что многое будет зависеть от налаживания действенной коммуникации между философско-научным сообществом и всеми другими сообществами и индивидами (что, конечно, не тривиально и предполагает постановку и решение ряда интересных, сложных проблем [24]). Надеемся, что проделанное исследование релятивизма, в частности, постановка проблемы определенного абсолютного релятивизма (и уже формируемые контуры продолжения анализа) внесут свой позитивный вклад в общие научно-философские усилия по точному пониманию и положительному влиянию на происходящее в мире.

Список литературы

1. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46–62.
2. Блур Д. Определение релятивизма // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXX. № 4. С. 16–31.
3. Богуславский В. М. Скептицизм в философии. М.: Наука, 1990. 272 с.
4. Васенкин А. В. Принцип ответственности в научно-технической деятельности: история и современное состояние проблемы // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 1. С. 42–48. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.005.
5. Васильченко В. А. Традиции скептицизма в современной культуре // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 323–327.
6. Воронина Н. Н., Ткачев А. Н. Проблема оснований познания в связи с аргументацией скептицизма // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2016. № 2 (34). С. 78–86.
7. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
9. История философии. Т. 1. Философия античного и феодального общества / под ред. Г. Ф. Александрова [и др.]. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1941. 491 с.
10. Касавин И. Т. Релятивизм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 442.
11. Ладов В. А. Два аргумента в опровержение релятивизма в диалоге Платона «Геэтет» // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10. № 1. С. 205–213.
12. Левин Г. Д. Современный релятивизм // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 73–82.
13. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 815 с.
14. Мамчур Е. А. О релятивности, релятивизме и истине // Эпистемология и философия науки. 2004. № 1. С. 76–80.
15. Маслов В. М. Высокие технологии и феномен постчеловеческого в современном обществе : монография. Нижний Новгород : Изд-во НГТУ, 2014. 130 с.
16. Маслов В. М. Эпистемологический релятивизм в эпоху рисков и ответственности // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2018. С. 217–222.
17. Микешина Л. А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии : монография. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2018. С. 201–212.
18. Ниинилуото И. Критические замечания о когнитивном релятивизме // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 40–44.
19. Пивоваров Д. В. Скептицизм, нигилизм и цинизм // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2010. № 1 (10). С. 78–86.
20. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
21. Секст Эмпирик. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 399 с.

22. Тяпин И. Н. Нравственное государство как государство справедливости: штрихи к концепции // *Философия права*. 2016. № 6. С. 57–62.
23. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М. : Наука, 1989. 576 с.
24. Фейгельман А. М., Шаталов-Давыдов Д. Ю. Зоны обмена: онтология события // *Вестник Вятского государственного университета*. 2018. № 4. С. 14–21. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.032.
25. Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М. : Республика, 1993. 447 с.
26. Чанышев А. Н. *История философии Древнего мира : учеб. для вузов*. М. : Академический проект, 2005. 608 с.
27. Ярцев Р. А. О ранжировании научного знания на основе рационального скептицизма // *Философия науки*. 2013. № 2 (57). С. 48–60.

Problem of definition, main forms and perspectives of relativism

V. M. Maslov

Doctor of Philosophical Sciences, professor of the Department of philosophy,
Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky. Russia, Nizhny Novgorod.
ORCID: 0000-0003-1043-9431. E-mail: maclov@bk.ru

Abstract. The article develops modern concepts of relativism corresponding to new challenges. The research's relevance is based on the growing prevalence and influence of relativism. The purpose of the article is to obtain and concretize the original historical and logical definition of relativism, which directly correlates and explains the specifics of the modern stage of development of modernist civilization. Formally, relativism is a statement of the equality/truth of any judgments about the same object. Relativism is defined in relation to the absolute (the philosophical level of the existing) in its object (the world as a whole) and subject (the original epistemological position) aspects. Absolute ontological relativism asserts the equivalence of impossibility (nihilistic ontological relativism) and the possibility of philosophy. In the latter case, absolute ontological relativism asserts the possibility of the truth of only one (philosophical monism and, accordingly, justified dogmatism) and all philosophies/views (pluralistic ontological relativism). Absolute epistemological relativism asserts specific forms of nihilistic and pluralistic epistemological relativism similar to ontological relativism. Here again it is confirmed that the relative cannot have an absolute epistemological reference point. It is another matter for epistemological principles to promote maximum openness to proof, criticism, and improvement. The recognition of irremediable epistemological dogmatism leads to the possibility of forming a certain absolute relativism, which is seen as the most objective beginning of modern philosophical work. In civilizational terms, the study of relativism correlates and points to the formation of a new stage in the functioning of modern society. The ideas of freedom and happiness for all people stated by the modernist civilization objectively lead to the present and future significance of nihilistic and pluralistic relativism. The latter can make it difficult to adequately understand the world and the corresponding social activities. The analysis and discovery of the problems of a certain absolute relativism is seen as a positive contribution to the overall scientific and philosophical efforts to accurately understand and adequately influence what is happening in the world.

Keywords: skepticism, sophistry, philosophy, monism, pluralism.

References

1. Bauman Z. *Filosofiya i postmodernistskaya sociologiya* [Philosophy and postmodern sociology] // *Vo-prosy filosofii* – Questions of philosophy. 1993. No. 3. Pp. 46–62.
2. Bloor D. *Opreделение relyativizma* [Definition of relativism] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2011. Vol. XXX. No. 4. Pp. 16–31.
3. Boguslavskij V. M. *Skepticizm v filosofii* [Skepticism in philosophy]. M. Nauka. 1990. 272 p.
4. Vasenkin A. V. *Princip otvetstvennosti v nauchno-tekhnicheskoy deyatel'nosti: istoriya i sovremennoe sostoyaniye problemy* [Principle of responsibility in scientific and technological activities: history and modern state of problem] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2019. No. 1. Pp. 42–48. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.005.
5. Vasil'chenko V. A. *Tradicii skepticizma v sovremennoj kul'ture* [Traditions of skepticism in modern culture] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* – Social and humanitarian knowledge. 2008. No. 2. Pp. 323–327.
6. Voronina N. N., Tkachev A. N. *Problema osnovanij poznaniya v svyazi s argumentaciej skepticizma* [Problem of the bases of knowledge in connection with the argumentation of skepticism] // *Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya* – Humanities: actual issues of science and education. 2016. No. 2 (34). Pp. 78–86.
7. Descartes R. *Sochineniya : v 2 t. T. 1* [Essays : in 2 vols]. Vol. 1. M. Mysl'. 1989. 654 p.
8. Diogenes of Laertes. *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov* [About the life, teachings, and sayings of famous philosophers]. M. Mysl'. 1979. 620 p.

9. *Istoriya filosofii. T. 1. Filosofiya antichnogo i feodal'nogo obshchestva* – History of philosophy. Vol. 1. Philosophy of ancient and feudal society / ed. by G. F. Alexandrov [et al.]. M. OGIZ-Gospolitizdat. 1941. 491 p.
10. *Kasavin I. T. Relyativizm [Relativism] // Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. T. 3* – New philosophical encyclopedia : in 4 vols. Vol. 3. M. Mysl'. 2010. P. 442.
11. *Ladov V. A. Dva argumenta v oproverzhenie relyativizma v dialoge Platona "Teetet"* [Two arguments to refute relativism in Plato's dialogue "Teetet"] // *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya* – Schole. Philosophical antiquity study. 2016. Vol. 10. No. 1. Pp. 205–213.
12. *Levin G. D. Sovremennyy relyativizm [Modern relativism] // Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2008. No. 8. Pp. 73–82.
13. *Losev A. F. Istoriya antichnoj estetiki. Rannij ellinizm [History of ancient aesthetics. Early Hellenism]. M. Iskusstvo. 1979. 815 p.*
14. *Mamchur E. A. O relyativnosti, relyativizme i istine [On relativity, relativism and truth] // Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2004. No. 1. Pp. 76–80.
15. *Maslov V. M. Vysokie tekhnologii i fenomen postchelovecheskogo v sovremennom obshchestve : monografiya [High technologies and the phenomenon of the Posthuman in modern society : monograph]. Nizhny Novgorod: NSTU. 2014. 130 p.*
16. *Maslov V. M. Epistemologicheskij relyativizm v epohu riskov i otvetstvennosti [Epistemological relativism in the age of risks and responsibility] // Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii : monografiya* – Epistemology today. Ideas, problems, discussions : monograph. N. Novgorod. NNSU. 2018. Pp. 217–222.
17. *Mikeshina L. A. Relyativizm kak epistemologicheskaya problema [Relativism as an epistemological problem] // Epistemologiya segodnya. Idei, problemy, diskussii : monografiya* – Epistemology today. Ideas, problems, discussions : monograph. N. Novgorod: NNSU. 2018. Pp. 201–212.
18. *Niiniluoto I. Kriticheskie zamechaniya o kognitivnom relyativizme [Critical remarks on cognitive relativism] // Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2015. No. 1. Pp. 40–44.
19. *Pivovarov D. V. Skepticizm, nigilizm i cinizm [Skepticism, nihilism and cynicism] // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* – Herald of the Ural Institute of Economics, Management and Law. 2010. No. 1 (10). Pp. 78–86.
20. *Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya [Logic and the growth of scientific knowledge]. M. Progress. 1983. 605 p.*
21. *Sextus Empiricus. Sochineniya : v 2 t. T. 1 [Essays: in 2 vols. Vol. 1.] M. Mysl'. 1975. 399 p.*
22. *Tyapin I. N. Nравstvennoe gosudarstvo kak gosudarstvo spravedlivosti: shtrihi k koncepcii [Moral state as a state of justice: touches to the concept] // Filosofiya prava* – Philosophy of law. 2016. No. 6. Pp. 57–62.
23. *Fragmentsy rannih grecheskih filosofov. Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogonij do vozniknoveniya atomistiki* – Fragments of early Greek philosophers. Part 1. From epic to cosmology before the emergence of atomic theory. M. Nauka. 1989. 576 p.
24. *Fejgelman A. M., Shatalov-Davydov D. Yu. Zony obmena: ontologiya sobytiya [Zones of exchange: ontology of an event] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2018. No. 4. Pp. 14–21. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.032.
25. *Heidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya [Time and being: articles and speeches]. M. Respublika. 1993. 447 p.*
26. *Chanyshv A. N. Istoriya filosofii Drevnego mira : ucheb. dlya vuzov [History of philosophy of the Ancient world : textbook for universities]. M. Academicheskij project. 2005. 608 p.*
27. *Yarcev R. A. O ranzhirovanii nauchnogo znaniya na osnove racional'nogo skepticizma [On ranking of scientific knowledge on the basis of rational skepticism] // Filosofiya nauki* – Philosophy of science. 2013. No. 2 (57). Pp. 48–60.